

Т.А.Алексеева
ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПОЗНАНИЕ И СУЩНОСТЬ
ПОЛИТИЧЕСКОГО

Теоретик политики и права в Веймарской Германии, активный член Национал-социалистической партии Германии в 30-е годы, объект критики со стороны как «левых», так и «правых», Карл Шмитт сегодня уже признан в качестве выдающегося критика либерализма и политического философа. Пожалуй, за последнее столетие в мире не было политического мыслителя, который бы столь тщательно и убедительно показал бы слабости и противоречия либеральной политической теории и практики, и который оказал бы более сильное влияние на современный консерватизм, особенно, в США. «Не только сочинения, сама биография Шмитта, как ее не излагай, пугающе взрывоопасна», – пишет Александр Филиппов в послесловии к русскому изданию «Политической теологии» Шмитта¹. Но без Шмитта нам никак не разобраться в том, что же такое политическое – политическая философия без него была бы бедна и, пожалуй, даже неполноценна.

В 1923 г. Карл Шмитт опубликовал работу «Римский католицизм и политическая форма», в которой и изложил свои взгляды на «политическую теологию». Уже здесь он выдвигает тезис об отношениях «друг-враг», то есть об отношениях между сторонниками, даже соратниками, и противниками, конфликт между которыми и предопределяет политический характер общества. Будучи в то время глубоко верующим католиком, Шмитт рассматривал церковь как ресурс для определения критерия, кого следует считать врагом, а также как возможную «крышу», под которой могли бы объединиться все «европейские друзья». Что же придает католической церкви такой авторитет и как именно в этом контексте Шмитт рассматривает взаимоотношения «друг-враг»? Остановившись на связи между подъемом современной экономики и протестантизмом, отмеченным и проанализированным еще Максом Вебером, Шмитт сделал вывод, что либерализм, капитализм и романтизм, то есть, соответственно, политическое, экономическое и эстетическое воплощение нового секуляризованного протестантизма, ослабляют Европу в противостоянии с Советской Россией.

Как известно, протестантизм в период Реформации привел к фундаментальным социальным изменениям. К его последствиям, помимо

¹ Филиппов А.
Карл Шмитт: расцвет
и катастрофа //
Шмитт, Карл.
Политическая
теология. М., 2000. С.
262.

всего прочего, можно отнести пассивный уход из социальной жизни, акцент на индивидуализме, апологетике частной жизни. Этому, по мнению Шмитта, препятствует католицизм, противопоставляющий публичное частному и субъективному. Все это находит свое выражение в приоритете политики по отношению к домашней, экономической сфере. Сакрализация (обожествление) частного, частного приводит к сокращению европейской публичной сферы, которая ранее была ареной, на которой были представлены принципы власти или общества, справедливости, демократии, но, главным образом, гуманности. Современная европейская публичная сфера – это совокупность владельцев частной собственности и членов групп интересов и партий, голосующая за поддержку собственных материальных интересов. Для Шмитта ее представители больше уже не являются «представителями» в каком-то реальном смысле, а играют экономико-технические роли. И именно эти ценности, писал он не без иронии, отделяют европейскую цивилизацию от того, что названо им «странной амальгамой византийского христианства, коммунизма и анархизма, охватившей страну, граничащую с Восточной Европой».

По Шмитту, либеральная схема делает акцент на количественной стороне, а не качественной, заботясь лишь о математическом представительстве (1 депутат от 500 тысяч жителей). Он обвинил западных капиталистов, либералов и социалистов в том, что они заигрывают с типом мышления, присущим Советскому Союзу, жертвующим качественными и содержательными характеристиками ради технически манипулируемых и экономически рассчитанных аспектов человеческой реальности. Католицизм, наоборот, весьма чувствителен к объективному человеческому содержанию и, в отличие от капитализма, либерализма и, в особенности, коммунизма, настаивает именно на качественной стороне жизни.

«Человек» – идея католической церкви, рассматривающая индивида как нечто большее, чем простое биологическое существо; она считает, что он способен на добро, но нуждается в интеллектуальном наставнике. Это, полагал Шмитт, особенно важно для русских – радикалов, выросших из Православия. – материала, которым можно манипулировать с помощью технологий, сети природных импульсов, нуждающихся в организации. Католицизм – наследник юриспруденции Рима и как институт содержит историческую возможность сохранения божественной компоненты в человеке. Он заботится о нормативном наставлении, не занимается формулами манипуляций во имя некоей цели, подобно тому, как это делает рационализм экономики или техники, практикуемый Советским Союзом.

Католическая церковь – это «комплекс противоположностей», воплотивший все политические формы, знающий, когда стать союзником одних и воевать с другими. Как следствие, полагает Шмитт, сущность католицизма – политическая: она заключает союзы и

объявляет своих врагов. Макс Вебер писал, что политический смысл вытекает из конфликта, причем, чаще всего конфликта с применением силы. Однако Шмитт считал, что веберовский империалистический либерализм, тесно связанный с протестантизмом, его капитализм, а также, несмотря на все возражения Вебера, равно как и его романтизм, – не могут создать основу для подлинно «политической» теории. Его разделение между субъективной моралью (политикой убеждения и ответственности) и объективного рационального мира (непреодолимой бюрократизацией) предполагает осмысленное действие, такое как большая политика. Однако, по Шмитту, подлинная политика появляется только там, где возникают отношения друзей/врагов. В книге «Римский католицизм и политическая форма» он начал строить такую подлинную политику, противопоставляя католицизм-друга – Советской России-врагу.

В более ясной форме идея политического была представлена Шмиттом в работе «Концепция политического» (1932 г.). Основной смысл концепции «политического» Шмитта заключается в утверждении, что государственная власть основывается на антагонизме во внутренней политике и извечной настороженности, бдительности в международных делах. Иными словами, власть означает способность делать различие между друзьями и врагами внутри страны и в международной системе. Шмитт пытался противопоставить необходимость усиления государства внутренней «левой» оппозиции. Он постоянно пишет в Веймарские годы о том, что либеральный плюрализм ослабляет положение Германии по отношению к внешним угрозам, в особенности, со стороны Советского Союза.

Остановимся на логике рассуждений Шмитта более подробно². В самом начале работы он пишет: «...Статус (т. е. государство – *Т.Л.*) и народ – получают смысл лишь благодаря более широкому признаку, т. е. политическому, если неправильно понимается сущность политического, оно становится непонятным»³. Это исключительно важное методологическое указание: у Шмитта и государство, и народ оказываются вторичными, производными по отношению к политике. Это важно, поскольку до него политика и государство, как правило, рассматривались практически как синонимы, или же государство, и уж тем более народ, подавались как источник политики. Само слово «политика» употреблялось в практико-техническом смысле при юридическом или административном разрешении единичных случаев, то есть государство рассматривалось как структура, обладающая монополией на политическое.

Однако такой подход утрачивает свой смысл, когда, как это происходит в современном мире, государство и общество более уже не противопоставляются друг другу, а взаимно проникают друг в друга. Тем самым Шмитт перечеркивал один из важнейших постулатов либерализма – разделение государства и гражданского общества, а также убеждение, что источник государственной власти – в

² Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли в 5 томах. Т. 2. Под ред. Т. А. Алексеевой. М., 1997. С. 290-310.

³ Там же. С. 291.

гражданах, то есть в народе. «Все вопросы, прежде бывшие государственными, становятся общественными и наоборот; все дела, прежде бывшие лишь общественными, становятся государственными, как это происходит необходимым образом при демократически организованном общественном устройстве»⁴.

⁴ Там же. С. 292.

Области, которые прежде были «нейтральными» (в смысле, негосударственными, неполитическими) – религия, культура, образование, хозяйство, утрачивают свою «нейтральность», политизируются. Возникает «тотальное» государство, предполагающее тождественность государства и общества, захватывает всякую предметную область жизнедеятельности; А в тотальном государстве все уже политично, тем не менее, просто отсылка к «государству» более не в состоянии обосновать специфически различительный признак «политического».

Как следствие, «политическое» имеет уже собственные критерии в противоположность моральному, эстетическому, экономическому. И этим критерием, собственно, и становится различие «друга и врага». Самостоятельность политического заключается именно в способности различать «друга» и «врага». «Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы выявить высшую степень интенсивности соединения и разделения, ассоциации и диссоциации; это различие может существовать теоретически и практически, независимо от того, используются ли одновременно все эти моральные, эстетические или иные различия»⁵. Враг, по определению, чужой: «Он есть именно иной, чужой...» Здесь Шмитт идет вслед за немецким социологом Г.Зиммелем, введшим в научный оборот понятие «чужого».

⁵ Там же. С. 293.

При этом Шмитт полагал, что экстремальный конфликтный случай могут уладить между собой лишь сами участники. Только самостоятельно каждый из них может решить, означает ли в данном конкретном случае инобытие чужого отрицанием его рода существования, и потому оно (инобытие чужого) отрицается или побеждается, дабы сохранить свой собственный род жизни. Иными словами, противопоставление своего/чужого, в сущности, носит субъективный характер и основывается на оценке, перцепции враждебности «чужого».

Шмитт выстраивает следующую схему восприятия «чужого»:

Морально злое	
Эстетически безобразное -----	► еще не враг.
Экономически вредное	
Морально доброе	
Эстетически прекрасное -----	► еще не друг.
Экономически полезное	

Иными словами, различия «друг/враг» происходит в *экзистенциальном* смысле, а не в качестве метафор или символов. Более того, это происходит отнюдь не в индивидуалистическом смысле. Враг, таким образом, это борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности. Или иначе, враг – это всегда публичный враг.

Внутри государства как организованного политического единства, которое, как целое, принимает на себя решение о друге и враге, наряду с первичными политическими решениями возникают многочисленные вторичные представления о «политическом»:

- отождествление политического с государственным;
- противопоставление государственно-политического – партийно-политическому; или появляется возможность говорить о политике как сфере религии, о школьной политике, коммунальной политике, социальной политике самого государства; здесь также присутствуют противопоставления, но релятивированные существованием государства;
- карикатурные «политики», в которых от разделения «друг/ враг» остается лишь какой-то антагонистический момент: тактики, практики, конкуренция, интриги, гешефты, манипуляции и др.

Наряду с этим, Шмитт говорит о легко фиксируемых феноменах в политической сфере:

- 1) Все политические слова имеют полемический смысл; они предполагают конкретную противоположность в ситуации войны или революции. В противном случае, если такая ситуация исчезает, она становится пустой и призрачной абстракцией.
- 2) В актуальной практике политическое отождествляется с партийно-политическим. Внутригосударственное, а не внегосударственное разделение на группы «друзей и врагов» имеет решающее значение для вооруженного противостояния, стало быть, гражданская, а отнюдь не межгосударственная, война есть высшее выражение политического.

И слово «враг», и слово «борьба» здесь следует понимать в смысле бытийной изначальности. Оно означает не конкуренцию, не чисто духовную борьбу-дискуссию, не символическое борение – вся человеческая жизнь есть борьба. Иными словами, понятия «друг», «враг», «борьба» получают свой реальный смысл благодаря тому, что они соотносятся и сохраняют особую связь с реальной возможностью физического убийства. Война следует из вражды – онтологического отрицания чужого бытия.

Однако политическое бытие (Dasein) – не всегда война, а политическое воздействие – отнюдь не непременно военное действие. Более того, ни победоносная война, ни успешная революция не есть социальный идеал, к которому следует стремиться. «Главное значение здесь имеет лишь возможность этого решающего случая, действительной

⁶ Там же. С. 298.

борьбы, и решение о том, имеет ли место этот случай или нет»⁶. Это и есть реальная политика.

«Всякая противоположность, – писал Шмитт, – религиозная, моральная, экономическая или этническая – превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов. Политическое заключено не в самой борьбе, которая опять-таки имеет свои собственные технические, психологические и военные законы, но, как сказано, в определенном этой реальной возможностью поведении, в ясном познании определяемой ею оборонной ситуации и в задаче правильно различать друзей и врагов»⁷.

⁷ Там же. С. 300.

Дело, таким образом, не в том, что, скажем, религиозное сообщество ведет войны, а в том, что является сообществом, то есть политическим единством. Оно определяет качества врага для своих членов. Также и «класс» в марксистском понимании перестает быть категорией экономической и становится политической только тогда, когда всерьез принимает классовую борьбу, рассматривает противника как врага и осознает собственное единство.

Политическое единство разрушается, если нет способности самостоятельно определить своего врага. Если же противодействующие хозяйственные, культурные или религиозные силы столь могущественны, что принимают самые серьезные решения, исходя из собственных критериев, то именно они и превращаются в новую субстанцию политического единства.

«Политическое может извлекать свою силу из различных сфер человеческой жизни, из религиозных, экономических, моральных и иных противоположностей; политическое не означает никакой собственной предметной области, но только степень интенсивности ассоциации и диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными (в этническом или в культурном смысле), хозяйственными или же мотивами иного рода, и в разные периоды они влекут за собой разные соединения и разъединения. Реальное разделение на группы друзей и врагов бытийственно столь сильно и имеет столь определяющее значение, что неполитическая противоположность в тот самый момент, когда она вызывает такое группирование, отодвигает на задний план свои предшествующие критерии и мотивы: «чисто» религиозные, «чисто» хозяйственные, «чисто» культурные – и оказывается в подчиненш у совершенно новых, своеобразных и с точки зрения этого исходного пункта, т. е. «чисто» религиозного, «чисто» хозяйственного или иного, часто весьма непоследовательных и «иррациональных» условий и выводов отныне уже политической ситуации»⁸.

⁸ Там же. С. 301.

И далее: «Во всяком случае группирование, ориентирующееся на серьезный оборот дел, является политическим всегда. И потому оно всегда есть наиважнейшее разделение людей на группы, а потому и политическое единство, если оно вообще наличествует, есть наиважнейшее «суверенное» единство в

⁹ Там же. С. 301-302.

том смысле, что по самому понятию именно ему всегда необходимым образом должно принадлежать решение относительно самого важного случая, даже если он исключительный»⁹.

Государству как сущности политическому единству принадлежит *jus belli* (право войны и мира – *Т.А.*), то есть реальная возможность в некоем данном случае в силу собственного решения определить врага и бороться с врагом. Государство как наиважнейшее политическое единство, таким образом, сконцентрировало у себя невероятные полномочия: возможность вести войну и, тем самым, открыто распоряжаться жизнью людей. *Jus Belli* содержит в себе двоякую возможность:

- 1) требовать от тех, кто принадлежит к собственному народу готовности к смерти и убийству; и возможность убивать людей, стоящих на стороне врага;
- 2) «нормальное государство» может ввести на своей территории «спокойствие, безопасность и порядок», то есть создать «нормальную» ситуацию, когда правовые нормы могут иметь значение.

Если же государство объявляет «внутреннего врага», то происходит разрушение государства как политического единства – это знак гражданской войны. Через гражданскую войну решается затем вопрос о судьбе этого единства. «Покуда народ существует в сфере политического, он должен – хотя бы и только в крайнем случае (но о том, имеет ли место крайний случай, решает он сам, самостоятельно) – определить различие друга и врага. В этом состоит существо его политической экзистенции. Если у него больше нет способности к этому различению, он прекращает политически существовать. Если он позволяет, чтобы кто-то чужой предписывал ему, кто есть его враг и против кого ему можно бороться, а против кого нет, он больше уже не является политически свободным народом и подчинен иной политической системе или же включен в нее...»¹⁰

¹⁰ Там же. С. 305.

Смысл борьбы или войны состоит не в том, что она ведется за идеалы или правовые нормы, программы или рациональные цели, но в том, что она ведется против действительного врага.

Если в работе «Римский католицизм и политическая форма» в качестве критерия разделения на друзей и врагов Шмитт называл гуманизм, то в «Понятии политического» он гуманизм уже полностью отрицает. Он пишет, что гуманизм – это не политическая концепция и никакое политическое единство или общество, никакой статус ему не соответствует. Он отрицает моральное разграничение между другом и врагом, равно как и эстетическое – красивый/уродливый. Он видит это различие, как полностью автономное от всех подобных определений, включая и теологические, хотя смертельные битвы могут вестись во имя религиозных воззрений.

Тем не менее, подобно тому, как Шмитт эстетизирует насилие и смертельную опасность, он восславляет и романтизирует политическое.

В последние годы Веймарской республики Шмитт использовал свой тезис об отношениях друзей и врагов для критики либерального плюрализма, как помехи для государства найти средства защиты от попыток навязать стране какую-то одну идеологию правового или левого толка, а также для критики парламентаризма, допускающего, чтобы одни граждане называли других граждан «врагами».

Сравнивая подобный сценарий приближающейся гражданской войны с гоббсовским положением о «войне всех против всех» в «естественном состоянии», Шмитт настаивал на необходимости института, который подхватил бы стандарт политического и прекратил взаимное разрушение двух партий, а также уничтожение государства. Говоря словами Гоббса, подобная ситуация настоятельно требует «видимой власти», которая могла бы удовлетворить желания всех, умиротворить внутреннюю политику и принудить их предоставить взаимопомощь против внешних врагов. Государство Веймарского периода, по мнению Шмитта, превратило себя в слугу всех антагонистических социальных групп, то есть стало «тотальным количественным государством». В противоположность ему «качественное тотальное государство» – такое, которое правит над ними и, дистанцировавшись от них, действует, исходя из собственной ответственности ради установления порядка и подавления внутренних антагонизмов и защиты от внешнего врага.

Шмитт вступил в союз с прусским аристократом генералом Куртом фон Шляйхером. Их целью был роспуск парламента с использованием чрезвычайных полномочий президента Германии Пауля фон Гинденбурга. Шмитт взял на себя формулирование легальности этого акта и власти фон Гинденбурга в целом с помощью весьма казуистического прочтения Веймарской конституции, а также метафизической легитимности, связав президентский пост с мифами «нации» и «народа». Кабинет фон Шляйхера, в котором Шмитт занимал должность советника, хотел управлять страной с помощью президентских указов фон Гинденбурга с тем, чтобы изолировать коммунистические, социал-демократические и национал-социалистические силы, представленные в парламенте. Эта стратегия в целом аналогична той, которую использовал Муссолини в Италии, и которая вызывала восхищение у Шмитта в 20-е годы.

Лео Штраус, анализировавший формирование взглядов Шмитта на политическое, подчеркивает важное значение работы с фон Шляйхером для формирования его политической теории. Тем не менее, у него было несколько теоретических замечаний. Прежде всего, он считает, что Шмитт слишком с большим доверием полагается на Гоббса, ибо гоббсовская теория государства уже была «беременна зародышами либерализма». Выступая за абсолютную власть, Гоббс в то же время допускал свободу совести для подданных, право на сопротивление властям, моральный агностицизм у короля и т. д.,

то есть элементы либерализма, которые в конце концов подрывают государственную власть¹¹.

¹¹ Strauss L. *Comments of Carl Schmitt's Concept of the Political // The Concept of Political*. Chicago, 1996. P. 100.

По мнению Лео Штрауса, Шмитту следовало бы найти более надежную интеллектуальную основу для развития своей теории, достаточно было сказать, что люди просто нуждаются в том, чтобы ими управляли. Он предложил два возможных пути в своей книге «Политическая философия Томаса Гоббса». Первый путь предполагает новое обоснование государственной власти через реинтерпретацию трудов самого Гоббса. Второй путь – попытаться найти альтернативу гоббсовским воззрениям в трудах «классиков» политической философии¹². Новый реконструированный Гоббс, по мнению Лео Штрауса, с помощью эстетизации насилия, проделанной Шмиттом, предполагает, что подданные подчиняются государству и это не требует никаких дополнительных пояснений. Безграничный террор, присущий «естественному состоянию», когда каждый боится всех, и все боятся его, и все вместе боятся государства, должен быть заменен государственной властью, которая действует по своему усмотрению и не нуждается в легитимации своих действий с помощью делегирования полномочий или как-то еще.

¹² Strauss L. *The Political Philosophy of Hobbes: Its Basis and Genesis*. Chicago, 1952.

У фон Шляйхера ничего не получилось с программой, которую для него разрабатывал Шмитт, он ушел с поста канцлера в 1933 году. После того, как канцлером стал Адольф Гитлер, Шмитта пригласили помочь легализовать новую коалицию фашистского режима. Вновь оказавшись «наверху», Шмитт, тем не менее, оставался в стороне, когда его прежние друзья и коллеги «левой» ориентации или евреи потеряли свою работу в университетах. Эти изгнания начались в апреле 1933 года. Шмитт ничего для них не сделал. 1 мая 1933 года Шмитт вступил в Национал-социалистическую партию и быстро выдвинулся в партийной иерархии академии. Благодаря своей лояльности властям он получил престижную должность профессора в Берлинском университете, к которой долго стремился. Более того, он даже вернулся к своим прежним трудам с тем, чтобы сделать их более соответствующими официальной нацистской идеологии.

Фон Шляйхер и его жена были убиты во время «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 года. Но и тогда Шмитт, в отличие от многих других интеллектуалов, не уехал из Германии и даже не удалился в частную жизнь, несмотря на уничтожение новым режимом человека, который ввел его в политику. Наоборот, он опубликовал статью, «легально» узаконивающую эти действия нацистского режима под чудовищным заголовком «Фюрер защищает закон». Позднее Шмитт приблизился к самой «верхушке» партии – к Герману Герингу и Гансу Франку. Шмитт занял пост генерального консула Пруссии и рассчитывал стать главным «архитектором» нацистского права. Однако перед новым, еще более высоким назначением в 1936 году, нацисты решили проверить биографию Шмитта. Было выяснено все: и его раннее увлечение католицизмом, и прежняя дружба с

профессорами-евреями. СС взяло его на подозрение. Шмитт понял, что это уже реальная угроза его жизни. Он счел за благо неофициально выйти в отставку, впрочем, сохранив должность профессора в Берлине. С этого момента все его статьи носят теоретический, политико-философский характер и не касаются острых политических тем. К этому периоду относятся его работы по международным отношениям и комментарии к «классическим» текстам политической философии, например, к «Левиафану» Томаса Гоббса, и т. д.

Свое исследование по Гоббсу, опубликованное в 1938 году, Шмитт позднее характеризовал как либеральную книгу, содержащую критику Национал-социалистического режима с точки зрения индивидуальных прав. Это была критика с позиции человека, ратовавшего за авторитаризм, который он противопоставлял Веймарской республике, но отнюдь не за тоталитаризм нацистского типа. В «Левиафане» Шмитт попытался проанализировать гоббсовские метафоры государственной власти и посмотреть, как они видоизменялись на протяжении истории. Шмитт обвинил Гоббса в том, что тот использовал воображаемые технологии для описания Левиафана, что по целому ряду направлений привело к инструментализации государства с точки зрения групп плюралистов. По его мнению, основные мифологические описания Левиафана можно проследить из иудео-христианских, в особенности иудейских источников. Миф был выбран неверно, полагал Шмитт, поскольку и в иудейской, и в христианской традиции гигантское морское чудовище Левиафан уничтожается, в конце концов, религиозным фанатиком – его разрубает на куски и использует как наживку для поимки дьявола у христиан. По мнению Шмитта, теологические и технологические образы предполагают использование Левиафана в качестве смертельного инструмента для борьбы с врагами. Не говорит ли он тем самым о полной беспомощности человека перед лицом технологической машины власти в «Третьем рейхе»?

Сочетание критики Гоббса с позиций человека, пережившего Веймарскую республику, положения о друзьях/врагах и различия между качественными и количественными тотальными государствами позволили Шмитту вернуться к своей старой мечте – сформулировать чисто фашистское разрешение кризиса Веймарской республики.

Иными словами, чуть ли ни каждая фраза в шмиттовском «Левиафане» говорит о том, что он не вынес урока из деятельности «Третьего Рейха». Ему нравится гоббсовский образ Левиафана как сверхчеловека, символизирующего весь народ – великолепная метафора для той роли, которую он отводил президенту в Веймарской республике. Миф, по его мнению, не существует сам по себе, а вытекает из технологических и теологических источников, если они приводят к эксплуатации государства конкретными социальными группами. Подобный миф воплощается в одной, представляющей народ

и нацию личности, способной поддерживать качественный статус государства и не позволяющей превратить его в количественный инструмент наиболее влиятельной социальной группы. Можно предположить, что он противопоставлял подобную авторитарную личность в Веймарской республике фюреру «Третьего рейха». В сущности, он противопоставил идею фашизма в духе Муссолини кошмарной реальности германского нацизма.

Логика Шмитта не безупречна. Ганс Кельзен, видный юрист, политический теоретик, в то время теоретический противник Шмитта, спрашивал: а что не позволит предположительно нейтральному президенту в шмиттовской интерпретации стать активным участником социального конфликта? То есть, занять чью-то сторону. Президентская власть сама может стать источником социальных беспорядков. Кто может гарантировать от того, что шмиттовский «качественный» президентский фашизм 20-х годов не превратится в миф «количественной» партии в конце 30-х? Отвергнув концепцию индивидуальных прав человека в диалоге с Лео Штраусом еще в Веймарские времена, Шмитт практически остался без достаточного основания для критики нацизма. Миф о президенте, который воплощает народ и нацию, который должен добиться спокойствия в обществе, становится столь же принудительно тираническим, как и режимы, основывающиеся на мифе о «партии», когда не существует никаких теоретических и институциональных гарантий «нейтральности» президента.

Очевидно, что Веймарский фашизм Шмитта был далеко не нейтральным. У Шмитта были вполне очевидные предпочтения по отношению к участникам пред-гражданской войны, которая шла в Веймарской республике. Для него было важно, чтобы социал-демократы ни в коем случае не одержали политическую победу, не говоря уже о коммунистах. Группы, которые станут их «врагами», в соответствии с шмиттовской концепцией «политического», – лучшие друзья государства. Если эти «друзья» обретут контроль над государством, то им следует подавить «врагов» государства – такова логика шмиттовской интерпретации Гоббса. Как известно, именно это и сделали национал-социалисты после прихода к власти, причем гораздо более жестоко, чем мог предположить Шмитт. Таким образом, теория Шмитта вдохновляла на захват государства радикальной идеологической социальной силой, такой как нацисты. Ханна Арендт, видный философ «Франкфуртской школы», позднее назовет Шмитта «кабинетным политическим экстремистом»¹³.

В 1938 году Шмитт оказался в теоретическом тупике и личном кризисе. В сущности, выход из его теоретического тупика нашел не он сам, а его вечный друг Лео Штраус. Уже переехав в США после войны, он отказался от попытки переформулировать Гоббса с тем, чтобы найти обоснование государственной власти, и обратился к «классическим источникам», которые связывали власть с истиной,

¹³ Arendt H. *For Love of the World*. New Haven, 1982. P. 169.

красотой и справедливостью. Отсутствие моральных оснований политической власти провоцирует социальные конфликты, поскольку ни что не останавливает конкретные группы навязывать другим собственные ценности силой. А это отнюдь не поощряет их к поиску общей власти, способной гарантировать безопасность для всех. Позднее труды Лео Штрауса стали источником для многих интеллектуалов «правого» толка, а также идеологов Республиканской партии в США, которые искали возможность легитимировать свою политику с помощью «традиционных ценностей». Лео Штраус и сам прекрасно понимал, что его теоретические рассуждения лучше послужат философу, нежели политике.

Труды Шмитта оказали немаловажное влияние на консервативную мысль в США, большую, нежели культурный консерватизм Лео Штрауса, который, по существу, и познакомил американцев с взглядами немецкого политического теоретика. В книгах «политических реалистов» в международных отношениях, таких как Ганс Моргентау и Сэмюэль Хантингтон явственно чувствуется, что их «учителем» был Карл Шмитт. Менее известно, какое большое влияние труды Шмитта оказали на Фридриха фон Хайека. Влияние идей Шмитта присутствует и практически во всех течениях современной политической философии, начиная от Лео Штрауса, фон Хайека и кончая внешнеполитическим консерватизмом Ганса Моргентау. Однако для нас еще более важно, что Шмитт заложил традицию интерпретации политического, позволяющую заглянуть глубже в истоки и сущность политики, по крайней мере, никто из последовавших за ним серьезных политических мыслителей не смог избежать либо критики, либо переосмысления шмиттовских идей.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ

В аналитическом смысле политические концепции менее определены, нежели в других, более точных науках, например, в экономике. В этом причина того, что существует бесчисленное множество определений «политики». Вспомним, как в «Путешествиях Гулливера» Джонатана Свифта главный герой, дискутируя с королем, сказал ему, что в Англии написано несколько тысяч книг об искусстве правления, и это вызвало у короля недоумение по поводу способа понимания, присущего англичанам. А ведь это было написано в 1726 году! С того времени книги и статьи, посвященные политике, размножились в таких пропорциях, что могли бы заполнить все пространство Мирового океана.

Множество конкурирующих идей пытаются дать определение концепции политического, но ни одно из них не обладает подлинно теоретическим превосходством по сравнению с другими. Вспомним

только самые распространенные определения политики. Политика означает «кто что получает, когда и как» (Г.Лассуэлл), «борьбу за власть» (Г.Моргентау), «паттерны власти, правления и авторитета» (Р.Даль), «распределение ценностей авторитетом» (Д.Истон), «чистый конфликт – «мы» против «них»» (Карл Шмитт), «борьбу классов» (В.И.Ленин) и т. д. Власть, авторитет, публичная (общественная) жизнь, правительство, государство, конфликт и его разрешение – все это понятия, тесно связанные с политикой.

Ниже мы остановимся на некоторых проблемах концептуализации политического. Разумеется, мы не сможем рассмотреть все подходы к осмыслению политики, поэтому остановимся лишь на трех вариантах, представляющих наибольший интерес для нашего дальнейшего обсуждения. Хотя это далеко не все возможные подходы к рассуждениям о политике, эти концепции представляют наиболее важные традиции политической философии.

Политика как управление

Одна из важных концепций политики фактически приравнивает ее к управлению. Под управлением понимается формальная политическая машина страны в целом, ее институты, законы, публичная политика и наиболее важные политические деятели. Иногда управление и политика рассматриваются как тождество по определению. Политика, в этом случае, представляется как деятельность по организации процесса и структуры управления. Тогда то, что делают американский Сенат, германский Бундестаг или Государственная Дума в России – это политика по определению. Тогда же то, что происходит в обществе за пределами правительственных структур, политикой не считается. Общественные феномены могут иметь влияние на политику, но сами по себе они – не политика.

Политика в этом смысле имеет свой адрес. Центральные политические институты расположены в столице страны. Они обладают авторитетом в том смысле, что имеют возможность принимать решения для страны в целом и в состоянии способствовать достижению согласия. Все, что происходит на этой сцене, носит политический характер.

Данный подход предполагает определение политики с точки зрения организации, правил и агентств. **«Организация»** относится к относительно конкретным структурам, или формальным организациям. Они включают суды, законодательные собрания, бюрократический аппарат и политические партии. **«Правила»** означают права и обязанности граждан, равно как и допустимые процедуры и стратегии, используемые в политическом процессе. Основные правила правления закрепляются в Конституции страны (Основном законе), писаной или неписаной (какая существует, например, в Великобритании и Израиле). Эти правила раскрывают организацию и распределение политической власти, а также процедуры голосования, принятия

законов и допустимую степень поведения граждан, направленного на оказание влияния на власть. Сюда же попадают функциональное и территориальное государственное устройство, «разделение властей», распределение власти между федеральными и региональными образованиями (федерализм). Наконец, правление включает в себя государственных чиновников, сотрудников разнообразных учреждений – от военных ведомств до политических партий. Все они «предпринимают какие-то политические действия», выступают с политическими инициативами (сохранить за собой свой пост, увеличить власть, способствовать прохождению закона, инициировать новое правило и т. д.). В науке этот подход хорошо известен как легалистский, поскольку тесно связан с изучением конституционно-правовых основ государства.

Политическая роль СМИ, влияние групп интересов или политических классов представляют интерес для сторонников этой точки зрения только в контексте воздействия на них правительственной деятельности, и, соответственно, наоборот, их давления на деятельность правительства. При этом, все эти институты относятся к обществу, но не к политике.

Здесь важно отметить, что управление и государство – отнюдь не одно и то же. Управление входит в понятие государства. Государство шире управления, поскольку включает в себя также институционализированную власть, право, тип господства, включая силовые структуры, политически манипулируемые стимулы и доминирующие идеи. Государство, таким образом, ничего «не делает» в обычном смысле слова. Это не агент и не действующее лицо, в их роли выступает управление. «*Управление*», таким образом, относится к служащим, разнообразным организациям и правилам, воплощенным в государстве, но смысл государства не сводится только к ним.

Идея государства связана с более широкой концепцией законов и правил, обычно она включает в себя также обычаи, традиции, идеи, а также частично публичные институты, то есть «политические сети». Здесь есть прямая аналогия с тезисом Антонио Грамши, высказанным им в «Тюремных тетрадах», о том, что гегемония отражает концепцию правления, опирающуюся на доминирующие идеи и социальные силы, равно как и на правительство¹⁴.

Коль скоро управление в самом широком смысле включает средства управления или контроля над другими, то считается, что оно приводит в действие механизм поддержания порядка, причем главным является способность принимать коллективные решения и проводить их в жизнь. Обычно под правительством понимают формальные институционализированные структуры, действующие на общенациональном уровне, во имя поддержания порядка и организации коллективных действий. Поэтому главными функциями правительства становятся следующие:

- принимать законы (законодательная функция);

¹⁴ Грамши Л.
Тюремные тетради. Ч.
1. М., 1991.

- применять законы к практике (исполнение);
- и интерпретировать эти законы (через суд).

Управление – более широкое понятие, чем правительство. Оно относится к различным способам, посредством которых происходит координация социальной жизни. Правительство, таким образом, это всего лишь одна из организаций, занимающихся управлением. Иными словами, вполне возможно иметь управление без правительства. Тогда управление выступает в виде рынков, иерархий и сетей. Рынки координируют социальную жизнь через механизм ценообразования, структурируемый с помощью спроса и предложения. Иерархии, включающие бюрократический аппарат и традиционные формы организаций управления, действуют через систему авторитета «сверху вниз». «Сети» – горизонтальные организационные формы, для которых характерны неформальные отношения между равными индивидами или социальными структурами. Американский политический теоретик Питер Катценштайн определил «сети» как комбинации публичной и частной власти, состоящей отчасти из государственной бюрократии, а отчасти из частных ассоциаций. Однако сети могут обходиться и без представителей публичной власти, в то же время равно удаленных и от системы ассоциаций гражданского общества. Это особый тип социального устройства.

Традиционно управление было главным объектом политического анализа. Неудивительно поэтому, что определение политики как тождества с управлением, рассматривающее политическую деятельность как искусство править, осуществление контроля над обществом через принятие коллективных решений, всегда оставалось весьма популярным. Причем подход этот был присущ как политическим философам, так и политологам. Политические философы, начиная с Аристотеля и вплоть до наших дней, оценивали формы правления на нормативных основаниях в надежде найти идеальную государственную конституцию. Аналогичным образом, сторонники «общественного договора» подвергали политическому анализу природу правительственного авторитета и основания политических обязанностей граждан по отношению к правительству. Политологи, придерживающиеся конституционно-институционального подхода, также придают правлению важнейшее значение. Но их интерес сосредоточен, главным образом, на законодательном, исполнительном и судебном процессе управления, изучении отношений между разными уровнями власти, сравнительном анализе систем правления.

Тем не менее, некоторые политические мыслители сомневались, действительно ли управление имеет столь важное значение в политике. Например, сторонники анархизма отвергали правление в принципе как фундаментальное зло, выстраивая политическую стратегию его ликвидации. Либералы, признающие жизненно важную ценность управления, делают сильный акцент на необходимость

контроля и ограничения правления, с тем, чтобы обуздать возможность установления тирании. Марксисты и феминисты, со своей стороны, обнаруживают тенденцию рассматривать правление как вторичное политическое образование, связанное и действующее в рамках более широкой системы, соответственно, классовой или гендерной политики. Академическая наука также попыталась выйти за пределы управления. Так, системная теория, например, изучает не механизм управления, а структуры и процессы, через которые оно взаимодействует с более широким обществом, в то время как политическая социология обычно рассматривает работу правительства в контексте более широких социальных структур и систем власти.

Тем не менее, несмотря на критику, управление стало довольно модной темой исследований после 1980-х годов. Однако и сегодня нет единого общепризнанного определения, что же конкретно имеется в виду.

Попытка уравнивать политику и управление, тем не менее, порождает два важных вопроса. Если все, что происходит в правительстве, носит политический характер, то не становится ли политика просто частью управления? Существуют ли политические феномены вне правительства? Если правительство определяет, что является политическим, а что нет, то понятие начинает неизбежно превращаться в гетерогенное. Многие из происходящего «наверху», носит, по существу, частный характер с точки зрения отдельных политиков, если это вообще не сцена или институциональные средства решения личных проблем политиков и высших чиновников. Здесь может не быть заинтересованности в общем благе. Политик может использовать любой публичный пост просто как средство для собственного карьерного роста или обогащения. Даже временное пребывание на высоком посту уже и после отставки может служить политике как источник дохода за лекции и мемуары. Мысль здесь заключается в том, что дело не том, что эти примеры не носят политического характера, а что в них есть определенный аспект, который позволяет рассматривать эту деятельность как частную.

С другой стороны, такой подход к определению политики многое оставляет за ее пределами. Он не замечает того, что Дэвид Истон в своей концепции политической системы назвал «политическим входом», то есть выражения интересов и требований со стороны социальных акторов, агрегирования их интересов в социальных программах, коммуникации и распространения политической информации со стороны СМИ, находящихся в частном владении, а также политической социализации, обеспечиваемой семьей, школой и церковью. Он также исключает из рассмотрения смешанные частные и правительственные структуры, поскольку их деятельность находится вне исключительно правительственной сферы (например, всевозможные фонды, получающие подпитку из государственного бюджета). Узаконивание игнорирования такого большого числа важных

для понимания смысла политики элементов осуществляется на основе утверждения, что концепция правления должна быть полезной и работоспособной, поэтому следует обеспечить ее определенность и точность. Расширение концепции управления приводит к тому, что многие элементы общества попадают под его определение (например, семья, школа, церковь и т. д.). Тогда важное различие между двумя сферами существенно ослабляется, если не утрачивается вообще.

**Политика как
публичная
деятельность**

В политической теории нередко экономику относят к частной сфере, а политику – к публичной. В этом случае цели индивидов подразделяются на две категории: на частные, приватные (по своим мотивам и результатам), и на те, которые затрагивают интересы других людей. В либеральных обществах по определению существует частная сфера, рассматриваемая как нечто личное, закрытое от вмешательства со стороны других людей или инстанций. Сюда относится отправление религиозных обрядов, личные отношения в семье, особенности потребления (предпочтения определенной пищи и одежды), а также большинство аспектов воспитания детей, и другие особенности личной жизни.

Довольно трудно провести четкую демаркационную линию между публичной и частной сферой. В реальной жизни граница довольно подвижна. Определение «частная» относится к весьма ограниченной области деятельности индивидов и групп, принимающих непосредственное участие в обмене. «Публичная сфера» определяется как арена деятельности, существенно затрагивающая интересы других людей. Хотя никакое действие не происходит без социальной детерминации его смысла, это отнюдь не обязательно означает, что все носит публичный характер. Американский философ-прагматист Джон Дьюи ввел различие между ними на основании масштабов деятельности и последствий транзакций, осуществляемых между индивидами.

Идея публичности шире, чем идея общественных благ, но уже, нежели общество в целом. Она включает в себя не только благо как таковое, но также и коллективную идентичность и общие ценности, имеющие отношение к политическому дискурсу. Но одновременно она говорит только о публичной арене, а не о политике в целом. Например, к сфере публичного относится общепринятая манера одеваться, допустимые коды поведения в общественных местах, таких как метро, лифты, парки и т. д. При этом далеко не все аспекты политики носят публичный характер. Бернард Крик напоминает читателям в своей книге, что «Дворцовая политика – это частная политика, хотя здесь и присутствует терминологическое противоречие. Уникальность политической деятельности... связана именно с ее публичностью»¹⁵.

¹⁵ Crick B. *In Defense of Politics*. Harmondsworth, 1964. P. 20.

¹⁶ Sennett R. *The Fall of Public Man: On the Social Psychology of Capitalism*. N. Y., 1978. P. 3.

В «Политике» Аристотеля подчеркивалось, что участие в публичной, общественной жизни полиса существенно необходимо для выражения высшей социальной природы человека. В античном Риме понятие «республика» (*res publica*) означало «связи и ассоциации взаимной приверженности, существовавшей между людьми, не связанными друг с другом узами семьи или интимного общения»¹⁶. В работе «Публика и ее проблемы» Джон Дьюи идентифицировал публичность, с одной стороны, как сырье политики, а с другой – как существенно необходимый компонент государства.

Когда мы связываем политику с публичной жизнью, то выдвигаем ряд вопросов и проблем относительно важнейших механизмов, превращающих деятельность и взаимодействие людей в публичные. Среди ответов на эти вопросы можно выделить две линии аргументации, связанных с интерпретацией концепции публичности.

Первое из этих направлений, получившее распространение в последнее время, определяет публичную сферу через собственный интерес. Публичность либо воплощает стремление к реализации собственного интереса, совпадающего с интересами других (общий интерес), либо представляет собой ответ правительственных структур на индивидуальные интересы, направленный на повышение благосостояния граждан (иными словами, в ней происходит движение снизу-вверх и сверху-вниз). С ней связаны концепции общественных благ. Отличительными чертами такого типа рассуждений является отрицание элемента публичности в случае, если он выходит за пределы защиты частных интересов или дает ответ на потребности граждан, несовместимый с частными целями.

Более традиционная интерпретация понятия публичности предполагает связь между публичным интересом и общественным благом. Эти концепции выдвигают идею о том, что публичность обладает существованием, смыслом и целью, не сводимыми к стремлению к реализации собственного интереса и простого выстраивания порядка частных предпочтений. Именно такое обоснование публичности было дано американским политическим философом Ханной Арендт в книге «Условия человеческого существования» (1958).

Сторонники первого подхода к публичности обычно рассматривают второй вариант как метафизический, если вообще не мистический. Они верят, что социальная реальность, имеющая основания считаться таковой, состоит из индивидов и их предпочтений. По мнению сторонников второго подхода, социальные институты также обладают реальностью. Они возникают не в ответ на желания индивидов (хотя интерес институтов часто и распространяется на индивидуальные желания). Они включают в себя частных агентов и выражают их внутреннюю социальную связь, понимаемую как основания для самого существования индивидов. Иными словами, второй подход предполагает социальный потенциал, априорный по отношению к артикулированию частных целей.

Когда мы рассматриваем политическую философию как дисциплину, занимающуюся, в том числе, осмыслением взаимоотношений между публичной и частной сферой, то мы неизбежно опираемся на тот или другой подход к проблеме частного/публичного. Если нам более приемлемым представляется первый вариант, то мы изучаем, каким образом индивидуальные интересы граждан взаимодействуют друг с другом, совпадают или, наоборот, оказывают на других негативный эффект. Если мы принимаем второй подход, или оба одновременно, то в центре нашего внимания оказывается коллективная жизнь. Нас интересует то, каким образом она поддерживает, предопределяет и придает смысл частному самовыражению, а, также ограничивает собственный интерес.

Остановимся на двух подходах к проблеме публичности несколько более подробно – на примере взглядов двух политических мыслителей – Джона Дьюи и Ханны Арент.

В работе «Публика и ее проблемы» (1927) Джон Дьюи попытался связать публичную сферу с государством, показывая, каким образом, по крайней мере, демократическое либеральное государство, основывается и ограничивается масштабами развития публичности. Его главной задачей было идентифицировать смысл понятия «публичности». Дьюи начал рассмотрение проблемы с ее детерминирующего основания – мира индивидов и взаимодействий между ними. В той степени, в какой их взаимодействие ограничивается ими самими, то есть не оказывают влияния на другие области жизни, эту деятельность можно считать частной. Ген публичности появляется там, где они затрагивают другие сферы: «В качестве точки отсчета мы берем объективный факт, что действия людей имеют последствия для других, что некоторые из этих последствий замечаются, и эта перцепция приводит к соответствующим усилиям контролировать действия с тем, чтобы гарантировать одни последствия, и избежать других. Отталкиваясь от этого соображения, мы приходим к выводу, что последствия могут быть двух типов: одни затрагивают людей, участвующих во взаимодействии, прямо, другие – касаются людей, не входящих в круг непосредственно заинтересованных. В этом различии мы находим зародыш различия между частным и публичным»¹⁷.

¹⁷ Dewey J. *The Public and Its Problems*. N. Y., 1927. P. 12.

Еще одна особенность подхода Дьюи заключается в том, что он посчитал нужным включить в понятие публики, помимо обычных людей, также больных, безумных, психически нестабильных, а также молодежь. Это связано с тем, что эти группы находятся «под опекой государства». Их взаимодействие с другими людьми носит односторонний характер. Причина этого – в неравенстве статусов (а также влияния и ресурсов). Но, коль скоро принцип был введен, это означало расширение публичного интереса, включение в него вопросов минимальной оплаты труда, отношений между рабочими и капиталистами, заботу о детях и стариках, поддержку системы образования

и т. д. Дьюи включил все эти вопросы публичную сферу. Поэтому она приобрела у Дьюи довольно широкий характер.

Теория соотношения публичного и частного у Ханны Арендт радикально отличается от взглядов Дьюи. Ее интерпретация привлекает внимание к аспектам публичности, обычно не замечаемым в современных дискуссиях, сориентированным преимущественно на проблемы ограниченности удовлетворения частных желаний. Ее ответ носит более традиционный характер и свидетельствует об опоре на «классические» теории.

Понятие «публичности», по Арендт, включает два вполне различных, но тесно взаимосвязанных феномена. Первый из них связан с тем, что она называет «появлением на публике»: «присутствие других, которые видят то же, что и мы, и слышат то же самое, убеждает нас в реальности мира и нас самих. И хотя интимный характер полноценной частной жизни, которая до начала современной эпохи никогда ранее не была известна общественности, а также параллельный процесс упадка публичной жизни, будет интенсифицировать и обогащать всю совокупность субъективных эмоций и собственных чувств, эта интенсификация всегда будет происходить за счет уверенности в реальности мира и людей»¹⁸.

¹⁸ Arendt H. *The Human Condition*. Chicago, 1958. P. 50.

Необходимость в публичной сфере связана с нашей зависимостью от «чувства реальности», которое она нам обеспечивает. Иными словами, положение Арендт о публичности вытекает из априорного представления о том, каким образом мы испытываем, воспринимаем и конструируем реальность нашей жизни, индивидуально и коллективно. Зависимость нашего чувства реальности от публичности предполагает, что она имеет intersubjective характер. Однако само по себе понятие публичности не содержит в себе этого предположения. Внешний мир в неоклассическом мышлении предлагается рассматривать как возможность устанавливать и использовать уже сложившиеся предпочтения (инструментальный подход). В отличие от него, идея «появления на публике» имеет смысл, выходящий за пределы инструментальной концепции публичности. У Арендт именно в сфере публичности возникают возможности конструирования чего-то нового. Поскольку она рассматривает личность как социальный конструкт, «появление на публике» приобретает особое значение как часть усилий увязать социальную целостность, без чего мы легко можем потерять чувство идентичности.

Из сказанного естественным образом вытекает второй аспект публичности, выявленный Ханной Арендт – понимание публичности как «общего мира». Она писала: «Публичная сфера как общий мир объединяет нас и в то же время, если можно так выразиться, не дает нам упасть друг на друга» (то есть позволяет сохранить некоторую дистанцию)¹⁹.

¹⁹ *Ibid.* P. 52.

Арендт подчеркивала, что этот «общий мир» – конструкция, созданная людьми. Действительно, он сконструирован для того,

чтобы создать мир вещей, обеспечивающих нашу общую жизнь. Идея заключается в том, что общий мир объединяет людей. Публичность не только помогает удовлетворять наши личные желания, она объединяет нас в более широкое целое. Для этого общий мир должен иметь собственную объективность, он должен состоять из необходимых элементов.

Как же публичность в интерпретации Ханны Арендт связана с политикой? Разумеется, вполне возможно рассматривать политику как проявление публичности. Тем не менее, публичность и политика – отнюдь не синонимы. Потребность в публичности в том смысле, как об этом говорит Арендт, существенно шире политики, это нечто большее, чем политика. Разнообразные формы массовой коммуникации носят публичный характер, поскольку дают нам (или хотя бы, некоторым из нас) возможность «появиться на публике». Но это появление вовсе необязательно носит политический характер. Разумеется, посещение музыкального спектакля отнюдь не является политическим действием в обычных условиях. Однако в особых случаях, как это, например, произошло с захватом в качестве заложников зрителей мюзикла «Норд-Ост» в Москве осенью 2002 года, оно может приобрести политический характер.

Поскольку политика является частью публичного пространства, как об этом говорит Ханна Арендт, то она имеет также цели, обычно не учитываемые утилитаристами – обеспечение чувства общей жизни, обретение реальности благодаря участию в общей жизни, и потребность участвовать в конструировании социальных артефактов нашей совместной жизни. А поскольку политика включает в себя и эти аспекты, то она играет важную конституирующую роль в формировании самих индивидов.

**Политика как
авторитетное
распределение
ресурсов**

Эта концепция политики, пожалуй, ближе всего подходит к экономике, как с точки зрения метода, так и самого понятия «аллокации», то есть распределения ресурсов. Однако, с учетом вечного недостатка ресурсов, распределение ценностей приобретает альтернативный характер в экономических и политических процессах. Политика относится не к формальной структуре управления, а к вполне определенным способам принятия решений относительно производства и распределения ресурсов. В отличие от экономики, акцентирующей юридически добровольный обмен, система политического распределения обязательно включает в себя авторитет.

Весьма вероятно, что это различие в типе распределения отражает разные типы благ, равно как и нормативных критериев, управляющих взаимодействиями (например, собственный интерес против коллективного интереса, индивидуальное приобретение против общего и т. д.).

Изучение становления и функционирования политической системы сопряжено с целым рядом методологических трудностей. Одна из них, имеющая первостепенное значение для понимания политики, вытекает из предположения, что политическая система функционально связана с неполитическими элементами социальной системы.

²⁰ Easton D. A Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs, 1965. P. 57.

Д.Истон определяет политические системы как «группу взаимодействий в абстракции от тотальности социального поведения, посредством которых ценности авторитетно распределяются в обществе»²⁰. В основе этого определения лежит совокупность предположений, предопределивших системный подход. Во-первых, это акцент на взаимодействии как переменной. Взаимодействия могут происходить между индивидуальными акторами или акторами и институтами, в свою очередь коллективно взаимодействующими с другими институтами. Истон не определяет, какие именно акторы или институты взаимодействуют в процессе распределения ценностей. Здесь наиболее важен акцент на *процессе*. Истон предложил динамическую модель, в которой система и индивидуальные акторы находятся в процессах сохранения и поддержания динамического равновесия в самой системе.

Дэвид Истон выдвинул в свое время идею о том, что главным в политической науке является вопрос о том, каким образом ценности распределяются в обществе. Он защищает свой подход, противопоставляя его другим интерпретациям политики, основывающимся на идее государства, власти или разрешении конфликтов. Это отнюдь не означает, что авторитетное распределение ресурсов не связано с властью или государством, однако, по его мнению, обращение к этим другим понятиям затрагивает ядро политического только случайно, в силу их корреляции с тенденциями авторитета. Государство активно участвует в распределении ресурсов в том смысле, что оно часто происходит в рамках государства, через государственные институты, и зачастую приводятся в действие и используются государственными структурами. Однако совпадение все же здесь далеко неполное: действительно, авторитет реализуется также и в государстве, однако многое из того, что происходит внутри государства никак не связано с авторитетом. По Истону, самый сильный аргумент в защиту такого подхода заключается в том, что политическая наука не в такой степени интересуется конкретными институтами, как в деятельности, которая «выражает себя *через* разнообразные институты»²¹. Иными словами, аргументы Истона предполагают рассмотрение политики как абстракции, отделенной от институтов, обычно ассоциируемых с политическим процессом или управлением.

²¹ Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. Chicago, 1981. P. 113.

К чему ведет данный подход? Он не означает, что следует во всех аспектах жизни общества искать власть и авторитет – на фабриках, в школах, в семье, в армии и т.д. Речь идет о распределении ценностей со стороны авторитета в обществе в целом. В каком-то смысле, это возвращает нас к проблеме правительства как единственной

структуры в обществе, имеющей политическую структуру, распространяющуюся на все общество. Но правительство, как было указано выше, не тождественно политике. Оно – всего лишь одна из структур, в которых присутствует политика. Некоторые правительства допускают наличие политики в минимальных масштабах. Другие стремятся свести политику к минимуму, например, предпочитая управлять с помощью принуждения или регулируемого консенсуса.

Кроме того, как известно, многое и за пределами правительства носит политический характер. До определенной степени эти взаимодействия становятся регулярными и связаны с авторитетным распределением ценностей вполне определенным образом, они входят в понятие «политической системы». Например, в плюралистических системах деятельность групп интересов и политических партий будет считаться политической, поскольку они либо стремятся получить посты во власти, либо способствуют формированию публичной политики как части авторитета. Аналогичным образом, обретение политического «имиджа» и информации (общенациональными структурами, президентом, централизованными политическими институтами), хотя и в меньшей степени, чем деятельность групп давления или партий, но также считается политическим.

Фокус на авторитете порождает важный нормативный вопрос: к чему должна стремиться авторитетная система? Если граница между экономикой и политикой должна определяться регионом, в котором осуществляется добровольный обмен, мы должны знать что-то о деятельности, предполагающей наилучшие условия для рыночного обмена, и системе существующей власти. Один из ответов предполагает, что авторитет будет сохранен ради этой деятельности, когда нарушается добровольный обмен или там, где структура интересов действующих лиц спонтанно перестает быть взаимовыгодной. Еще один ответ заключается в том, что авторитет привлекается для институционализации и реализации прав человека или для достижения таких целей как равенство, всеобщее здравоохранение или справедливый суд, то есть целей, которые рынок обеспечить не в состоянии. Третий вариант ответа предполагает, что утверждение авторитета – это не нормативный вопрос, не вопрос «правильного определения сферы правительства». Он должен иметь дело с политической реализацией конкретных (специальных) желаний против каких-то других, например, капиталистов против рабочих, католиков против протестантов, и т. д. Политика имеет дело с ситуациями, которым одновременно присутствует конфликт и давление с целью принятия коллективных решений. Некоторые преуспеют, другие потерпят поражение. Поэтому, политика – это не просто обеспечение коллективных преимуществ, поскольку авторитет – это не то, в отношении чего может существовать консенсус. Поэтому фокус на легитимности авторитета как сущности политики предполагает совершенно иной взгляд на вещи, нежели фокус на государстве.

Прежде чем попытаться соединить воедино три подхода, рассмотренным нами выше, подчеркнем еще раз, что каждая из интерпретаций политики возможна по отдельности. Каждый из подходов может рассматриваться как самодостаточный и в случае, если мы его примем, приведет нас к разным выводам. Политика как управление опирается на вполне конкретный институт, политика как публичная деятельность строится на основе внеинституциональной сферы за пределами частного обмена, и наконец, фокус на политику как авторитет зависит в определенной степени от принятия решений и гарантированного согласия. Каждая из концепций имеет собственную «область», свое представление о политическом, а часто и определение того, что в сферу политики не входит. Вряд ли кто-либо будет отрицать, что все эти подходы говорят именно о политике. Но каковы взаимоотношения между тремя обозначенными подходами? В чем они сходны друг с другом, а в чем расходятся?

Начнем рассмотрение этого вопроса со второго определения – политика как публичная деятельность. В этом смысле политика имеет отношение либо к регулированию ненамеренных последствий частных действий и крахам на рынке, либо к формированию общего интереса, миссии, идентичности, или иначе, что означает быть гражданином данного сообщества.

Понятно, что идея рассмотрения политики как публичной деятельности получает поддержку со стороны других идей. В одном смысле, она может рассматриваться как своего рода сырье, из которого делается политика. Деятельность правительства состоит в принятии решений, направленных на все общество. Оно не пытается (по крайней мере, в нетоталитарных обществах), издавать законы, вмешивающиеся в личную жизнь человека. С этой точки зрения, публичность и управление имеют между собой определенную связь. Действительно, они нужны друг другу для того, чтобы выразить свой смысл. Без публики (общественности), создающей фундамент, правительство оказывается в безвоздушном пространстве. Возможно ли в принципе урегулирование социальных конфликтов или установление гармоничных социальных целей без публичного общества? «Политиканство» как стремление к должностям в правительстве всегда было и, по-видимому, всегда будет, но «чистая» оторванная от всех публичных взаимосвязей политика существовать не может.

И наоборот, без правительственной структуры публика – это просто несформулированная масса общих интересов какой-то группы людей, более или менее выраженных частным образом. Публика в этом смысле – это просто некий агрегат, группа людей, не имеющая ни общего опыта, ни осознания собственного политического потенциала. Но когда их отдельные позиции начинают совместно осознаваться, и когда индивиды начинают играть свою роль в формировании коллективного понимания, ситуация превращается в политическую. Если это происходит, тогда коллективно мобилизованные

интересы начинают оказывать давление на правительство, использовать различные каналы влияния, от собственно правительственных до политических партий, бюрократических структур, законодательных органов и судов.

При пересечении правительства и общества публичность играет решающе важную роль. С точки зрения правительства, публичная сфера – это объект политической деятельности. С публичной точки зрения, правительство – это арена ее выражения и инструмент в достижении ее целей, например, роста расходов на детей, медицинское страхование и т. д., всегда называемых общественными (публичными) заботами.

Общественность не просто использует правительство как инструмент в достижении собственных целей. Публичная сфера – продукт деятельности правительства. В некоторых странах государство легитимирует группы интересов, выдает им лицензии на деятельность, тем самым, гарантируя им публичный статус и признавая их право на осуществление публичной политики. Тем самым, публичность становится выразителем политики отчасти благодаря действиям самого правительства.

Во Франции, например, в «сильную государственную традицию» входит способность государства создавать, организовывать, признавать и контролировать частные ассоциации. Существует требование, чтобы все частные ассоциации были зарегистрированы в Министерстве внутренних дел, которое гарантирует им легальный статус, и имеет право распустить ассоциации, угрожающие безопасности государства. Это весьма типичная ситуация для стран с «органицистско-стейтистской традицией»²². В теории плюрализма, наоборот, группы и групповые интересы – двигатель политического процесса. Они представляют собой добровольные объединения граждан, создаваемые в защиту свободно сформулированных интересов, и столь же легко они могут быть распущены по желанию участников.

²² *Stepan J. The State and Society: Peru in Contemporary Perspective. Princeton, 1978. P. 26-45.*

Теперь посмотрим, как фокус на авторитете связан с правительством и публичной сферой? Именно этот фокус подводит нас наиболее близко к традиционной интерпретации понятия «политики». Предполагается наличие института, выше которого ничего нет, и команды которого принимаются к исполнению сверху донизу. Однако связь авторитета с правительством и публичной сферой отнюдь не прозрачна.

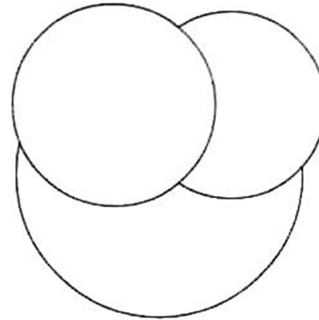
Ничего удивительного в этом нет. Истон настаивал на важности авторитетного распределения ценностей именно потому, что его связь с правительством и институтами далеко не совершенна. Здесь можно высказать два соображения: 1) не все правительственные решения авторитетны; 2) не все, что авторитетно, исходит от правительства. Не случайно термин «политика» часто применяется к желанию некоего публичного политика использовать свои связи и возможности

в коррупционных целях. Мы используем для описания именно такой деятельности слово «политиканство», но нередко и путаемся, упоминая «политику».

Имеет смысл также задуматься о масштабах авторитетного действия. Может ли какой-то вопрос или интерес стать источником обязывающих решений для всего общества? Сам по себе, фокус на авторитетных решениях ничего не говорит нам о том, какого вида деятельность находится под юрисдикцией авторитетной системы. Если масштаб, сфера действия авторитета не определен, тогда субстанция политического также оказывается неясной, и фокус с политики смещается на политический процесс. Здесь возможны варианты. Например, в Великобритании производство и распределение продуктов питания – это вопросы, находящиеся в сфере компетенции властей. В других странах под контролем государственной бюрократии оказывается здравоохранение. В-третьих, под юрисдикцию властей подпадает контроль над рынком.

Однако сферу авторитетного контроля нельзя назвать полностью произвольной. Это вопрос взаимоотношений между государством и обществом. Фокус на авторитете имеет особо важное значение, когда включается в схему, в которой присутствует и публичная сфера, и правительство. Идея авторитета связана с определенными социальными условиями. Если сфера авторитета в каком-то смысле ограничивается публичной, то институты, принимающие авторитетные решения, носят правительственный характер. Безусловно, существуют также неформальные политические организации и они часто принимают участие в решениях, объединяющих все общество. Тем не менее, в современной системе национальных государств институциональным локусом политики все-таки является правительство.

Из сказанного можно сделать следующий вывод: Политика – это деятельность институтов, имеющих отношение к принятию авторитетных публичных решений, распространяющихся на все общество. Такое определение позволяет соединить все три подхода к определению политики, рассмотренных в этой главе. Они взаимно накладываются друг на друга. Попробуем представить это графически на рисунке.

На нем изображены три круга, каждый из которых символизирует один из рассмотренных подходов к понятию «политика». Это – *публичная сфера*, не носящая политического характера, как, например, кодексы, управляющие тем, как люди одеваются, говорят и ведут себя в общественных местах. Многие из этого носят неформальный характер, представляют собой развитие существующих норм, и диктуется неформальным словом «политиканство», пониманием «как это должно быть». Это – *правительственная сфера, или иначе, сфера управления* – ни публичная, ни авторитетная, по крайней мере, в каком-то смысле. Часть того, что происходит в области управления, относится к мотивациям, амбициям, целям людей, карьерным устремлениям политиков, хотя реализация этих целей и происходит в публичной сфере. Наконец, *авторитетные отношения* могут быть обнаружены в семье, церкви, школе, на фабрике и т. д. Сам по себе авторитет не нуждается в том, чтобы быть политическим. Очень часто эти три сферы взаимно накладываются друг на друга. На рисунке есть сектор, закрашенный в темный цвет, где взаимно накладываются друг на друга правительство, публичность и авторитет. Это и есть политика.

В данной статье речь шла о том, каким образом разнообразные интерпретации понятия «политика» позволяют прийти к выяснению концепта политического. Это один из возможных путей рассуждений, но далеко не единственный.